

УДК 14
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).10
5.7.8

Трансформации тела, протезированного виртуальностью

Демид Сергеевич Колосов

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, taty19999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена описанию изменений тела под влиянием современной техники, понимаемой как агент новоевропейской метафизики. Производится философско-антропологический анализ взаимодействия человеческого тела и компьютерной машины современного типа сквозь призму концепций М. Хайдеггера, Ж. Бодрийера, Ж. Делёза, В. Подороги. Демонстрируется, как именно изменения тела детерминированы в современном обществе техносферой и какие изменения претерпевает тело, оказывающееся парадигматическим объектом компьютерной техники. Показано, что современная техника, вслед за модернистской метафизикой и аксиологией, темпорально и пространственно объективирует тело и направлена на акселерацию процессов, таких как производство, передвижение, информационный обмен, что приводит к трансформациям тела, изначально внеположного модернистской метафизической стратегии. Отдельное внимание в статье уделяется изменениям тела в условиях его постоянных интеракций с цифровой техникой, создающей виртуальную реальность. Освещаются изменения феноменологического переживания тела, дополненного виртуальной реальностью.

Ключевые слова: трансформация тела, новоевропейская метафизика, объективация, акселерация, компьютерная техника, протезирование виртуальностью, исчезновение Другого, шизофрения

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского гуманитарного института УрФУ (программа «Мой первый грант»).

Для цитирования: Колосов Д. С. Трансформации тела, протезированного виртуальностью // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 91–99. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).10.

Transformations of the Body Prosthetised by Virtuality

Demid S. Kolosov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, taty19999@mail.ru

Abstract. This article describes changes happening to a human body under the influence of machinery. The paper presents the philosophical and anthropological analysis of interaction between human body and computers based on concepts of M. Heidegger, J. Baudrillard, J. Deleuze and V. Podoroga. The article demonstrates how changes in the human body in contemporary societies are determined by the technosphere. It also depicts certain changes that occur in the human body when it is put into the position of being a technology's paradigmatic object. The author shows how modern technology, following modernist metaphysics and axiology, objectifies the body temporally and spatially. The modern type of technology accelerates processes such as production, movement, and information exchange, leading to transformations of the body beyond the initial scope of modernist metaphysics. The special attention is paid to the transformations of

the human body that occur in the constant interaction of the body with digital technology, showing the changes in the phenomenological experience of the body augmented by virtual reality

Keywords: body, technique, new European metaphysics, objectification, acceleration, virtuality, other, schizophrenia

Acknowledgments: The research was financially supported by Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (the program My First Grant).

Когда речь идет о статусе техники в современной истории, то, как правило, общественное внимание фиксируется на том, каким образом преобразуется мир с помощью технических достижений, но не на том, какие метаморфозы техника осуществляет в отношении своего создателя, насколько сильно меняет самого человека и особенно – его тело. В технике продолжают видеть, вслед за Каппом, исключительно расширение, промежуточное звено [Бодрийяр 2015, с. 150] или пассивный инструмент, целиком и полностью находящийся во власти свободной воли человека [Павленко 2010, с. 6].

Вместе с тем еще в первой половине XX века, с появлением дискуссий о роли и месте техники, завоевывающей для себя все новые и новые пространства жизни, техника теряет нейтралитет [Павленко 2010, с. 6]: становится очевидно, что технически организованный субъект не способен сохранить автономию и независимость от собственного «средства», сам становясь скорее парадигматическим объектом технологии, объектом биополитики, модернистской стратегии по формированию тела, осуществляющейся с помощью техники и технических знаний [Форум: Новые технологии и телесность ... 2018, с. 52].

Итак, философская антропология в рамках дискурса о технике указывает нам на обладание с ее стороны акторностью, причем техника активно преобразует не только мир, но и собственного создателя, человека. Под техникой в данном контексте следует понимать не просто инструмент, но, вслед за Маркузе, «исторически-общественный проект», заключающийся в том, что «общество и доминирующие в нем интересы собираются сделать с людьми и вещами» [Хабермас 2013]. Тем самым, обманчиво выступая в качестве если не нейтрального, то исключительно эмансипационного, освободительного явления, техника, скорее, представляет форму господства, «методического, научного, рассчитанного и расчетливого» [Там же], в том числе и в особенности господства над телом.

Освещение проблемы взаимодействия человеческого тела и современной техники, создающей виртуальный мир, стоит начать с общего ответа на вопрос о том, каким образом новоевропейская техника как таковая преобразует телесность.

Вслед за Хайдеггером можно сказать, что новоевропейский тип техники конституирован метафизическим проектом модерна [Хайдеггер 1993, с. 207], доминирующим дискурсом новоевропейской науки. Исходя из того, как тело понимается новоевропейской философией, можно понять, как техника, являющаяся носителем, агентом новоевропейской рациональности [Там же], трансформирует человеческое тело в согласии с модернистской картиной мира.

Понимание тела, укорененного в мировой предметности, неразрывно связано с интерпретацией пространства. Фундаментальную трактовку пространства в контексте модернистской парадигмы мы обнаруживаем еще у Декарта, видящего в нем гомогенную, соизмеримую протяженность, качественно однородную длительность, изначально бесструктурную, но упорядочиваемую со стороны *cogito* [Декарт 1950]. Тела же оказываются инкрустированными в подобного рода безразличный, пассивный и однородный материал, измеряемый единой системой координат, и мыслятся тем самым наряду с «разграфленными клетками» [Флоренский 1996, с. 25] однородной реальности, *объективируясь* со стороны естественной науки, не признающей разнокачественных реальностей, состояний и телесных режимов.

Также стоит отметить, что в процессе объективации тело перестает быть *переживаемым*, т. е. высказывающим истину о самом себе от собственного лица, но подчиняется трансцендентной относительно самого тела истине (в данном случае – новоевропейской рациональности): «Тело-объект по определению и должно быть гомогенным, иерархизированным телом-организмом, телом-машиной... и, естественно, не имеющим собственного языка. Более того, оно полностью находится во власти языка, объективирующего его... а это значит, попадает в сферу действия той или иной естественно-научной стратегии» [Подорога 1995, с. 22], в то время как телесность как единство опыта «имеет свой мир, понимает свой мир без рационального опосредования, без подчинения объективирующей функции» [Современный философский словарь 1998, с. 903].

Итак, пространственно тело оказывается объектом в ряду других объектов, очередной формой протяженности в универсальной и бесконечной материи, разграфляемой рациональным разумом в соответствии с его законами.

Подобного рода интерпретация тела дублируется и со стороны темпоральной модели новоевропейской метафизики, воплотившейся в универсальной метафоре часов. Как и в случае унификации пространства, унификация времени посредством часового механизма нивелирует телесное время с его различными режимами, спадами и подъемами, событиями и перепадами интенсивности, вместо этого производя качественно однородное время, лишенное контекста и событийности времени переживаемого, телесного, объективируя последнее. Как отмечает Джозеф Вейценбаум [Эрнст 2010, с. 201], часы являются не только протетическим прибором, трансцендирующим ограниченность человеческого тела, но автономной машиной, генерирующей виртуальное время, производящей механически понятую реальность, «равнодушно проходящую рядом с жизненным временем» [Юнгер 2002, с. 72].

Часовой механизм тем более важен, что для новоевропейской философии он оказывается метафорой самой жизни. Метафора часов, по принципу которых работает также и тело, подразумевает закономерность во времени, темпоральную необходимость системности, единообразия, периодичности, «алгоритм, повторяемость, порядок» [Николин 2002, с. 30], то есть все ту же объективацию, только на этот раз в темпоральном аспекте.

Однако в отношении времени происходит не только его унифицирование, представление в виде качественно однородного; определяющей судьбу техники и механически понятного тела оказывается темпоральная аксиология, а именно – примат будущего над настоящим и прошлым. Само название «Новое время» говорит в данном случае само за себя [Павленко 2010, с. 81]: будущее является в данной системе асимметрично ценным по сравнению с прошлым и настоящим.

Подобная асимметрия приводит к необходимости постоянного ускорения, *акселерации*, ведь именно она позволяет в кратчайший срок приблизиться к желаемому и единственно ценному будущему. Подобное стремление и порождает новоевропейский тип техники, позволяющей сокращать время совершения того или иного процесса: «Техника, понятая здесь в самом широком смысле, есть способ обладать наибольшим за наименьшее время» [Павленко 2010, с. 89]. В качестве добродетелей подобного рода ценностной системы можно выделить эффективность, производительность, полезность, результативность: именно в них оказывается заинтересован модерн как парадигмальное явление.

В отношении тела подобная ценностная асимметрия в пользу будущего и в ущерб настоящему и прошлому порождает тело-проект (механизированное, роботизированное тело), инструментальное и приводимое в движение с целью эффективного использования ресурсов. С одной стороны, понятое как объект, тело существует в однообразно повторяющемся бесперебойном функционировании; с другой стороны, у этого функционирования есть цель, идеологическая программа – прогресс как эсхатологический проект модерности, торжество утопического будущего, ради которого необходи-

мо пренебречь как прошлым, так и настоящим, максимально ускорив все возможные процессы, будь то производство, перемещение в пространстве, обмен деньгами или информацией.

Объективация тела (как, впрочем, и других сторон реальности), осуществляемая новоевропейским мышлением с помощью универсальной системы мер, на уровне практик производится именно техникой как агентом парадигмы модерна. Техника оказывается квинтэссенцией как объективированного понимания мира, так и новоевропейской аксиологии, предпочитающей будущее в ущерб прошлому и настоящему [Павленко 2010, с. 81].

Из двух вышеописанных моментов – *объективации и примата будущего* – проистекает технический характер формирования односторонне проинтерпретированного новоевропейским метафизическим проектом тела, наиболее полноценным воплощением которого оказывается *робот* как идеальный актер в условиях техносреды.

В качестве типических особенностей такого тела можно выделить автоматичность функционирования, запрограммированную повторяемость действий, пассивность, несамостоятельность движения, заменимость и однотипность (проистекающую из унификации) [Юнгер 2002]. Подобная модель тела является в первую очередь прообразом эпохи первых двух промышленных революций, растянувшейся с XVII и вплоть до XX века. Именно этому состоянию технического развития перечисленные особенности соответствуют наиболее точным и очевидным образом.

Все вышесказанное оказывается релевантным и для *пятого технологического уклада информационной эпохи* (опирающегося на достижения кибернетики, информатики и микроэлектроники [Лопатников 2003]), когда техническое развитие ставит своей целью создание виртуальной реальности и ее экспансивное расширение, проникновение во всевозможные сферы жизни. Процесс технического преобразования телесности становится в XXI веке не только распространеннее и все сильнее влияет на общество в целом, но и претерпевает фундаментальные изменения вместе с формированием цифрового общества, поскольку вместе с его появлением технически моделируемыми становятся также и ментальные состояния, их объективация и акселерация.

Переживание телесности становится переживанием тела, протезированного виртуальностью (под которой понимается «пространство, созданное с помощью компьютерных технологий, воспринимаемое как реально существующее» [Демильханова 2009, с. 87]: опыт тела, его формирование осуществляется все больше не через прививание доминирующих социокультурных норм и их способов телесного самосознания, но через проживание жизни в виртуальности, куда более тотальной, чем все предшествующие ей исторические аналоги «удвоения» мира, такие как язык, искусство, театр, кино или телевидение [Соколовский 2018]: «Прежде мы жили в воображаемом мире зеркала, раздвоения, театральных подмостков... сегодня мы живем в мире экрана, интерфейса, удвоения, смежности, сети. Все наши машины – экраны, внутренняя активность людей стала активностью экранов» [Бодрийяр 2000, с. 80].

Безусловно, этот опыт сильно отличается от того, который существовал в предшествующих технологических укладах. Попробуем эксплицировать некоторые наиболее значимые аспекты, которые конституируют телесность человека в информационном обществе, формируют тело – протезированное, дополненное виртуальностью. Стоит начать с того, что кибернетическая техника не менее метафизична, чем технологии предшествующих ей укладов. То, что Хайдеггер назвал новоевропейской метафизикой, присутствует и в кибернетической модели, полагающей субъекта центром бытия, выделяя в нем самом в качестве привилегированного центра когнитивные акты и мозг как их вместительницу. Как и техника парадигмы модерна в целом, информационные технологии также объективируют тело и направлены на акселерацию процессов, однако делают они это в несколько отличных от предыдущих технологических укладов аспектах.

Кибернетическая модель трактует реальность в первую очередь как информационную систему, элементы которой являются актерами постольку, поскольку задействова-

ны в получении, обработке и передаче информации. Поскольку кибернетический взгляд на мир как на систему передачи информации сформировал компьютерную технику, постольку кибернетически же трактуется человеческое тело, понимаемое как часть этой системы, т. е. как нечто воспринимающее, хранящее и передающее информацию.

Тем самым тело трактуется как элемент общей информационной системы, и асимметричной ценностью в нем обладают те телесные функции, которые могут быть задействованы в информационном производстве и обмене. Тело в своих интеракциях с цифровой техникой приравнивается к когнитивным способностям: оно не движется, но только лишь воспринимает, обрабатывает и передает информацию, само стремясь полностью воплотиться в этом внешнем расширении, кибернетическом протезе, переформулировав все свое потребление на потребление информации и производя исключительно «информационный продукт».

В то же самое время информационные технологии в согласии с общей модернистской установкой направлены на *акселерацию* процессов, в данном случае – на ускорение информационного производства и обмена. Тело, протезированное виртуальностью, оказывается в такой ситуации на границе собственных психофизических возможностей, в состоянии гиперстимуляции, и одновременно с этим оно существует без возможности освоить тот опыт, который получает через виртуальность, построенную таким образом, чтобы принуждать психику к бесперебойному функционированию.

«Ныне исполнение оперативно и ориентировано не на форму тела, а на его формулу, его уравнение, его виртуальность как операционное поле, на нечто, заставляющее функционировать, ибо любая машина требует, чтобы ее заставляли работать <...> Отсюда возникает глубокая пустота содержания действия. Нет, кажется, ничего более бессмысленного, чем эта манера бежать, без конца реализуя способность бегать» [Бодрийяр 2000, с. 76–77].

Итак, присущие модернистской технике объективация и акселерация тела сохраняются и в пятом технологическом укладе. Если все существовавшие ранее технологические уклады трансформировали человеческое тело таким образом, чтобы оно функционировало наподобие роботизированного механизма, будучи запрограммированным технологической рациональностью собственных «протезов», то в условиях пятого технологического уклада эта тенденция продолжается и усугубляется, распространяясь также и на ментальные процессы.

Однако здесь необходимо важное уточнение: если новоевропейская техника как таковая механизировала жизнь, то теперь она оказалась способной ее еще и симулировать [Тиккун 2022, с. 30], правда, на все тот же механический манер. На данный момент множество телесных феноменов и переживаний еще не способны быть представлены в качестве их симуляции в виртуальности; из-за ограниченности техники такими несимулируемыми феноменами телесной жизни являются запах, вкус, тактильные ощущения. Несмотря на эти ограничения, техносреда виртуального мира уже достигла высокой степени искусности, позволяющей ей имитировать жизнь и через эту симуляцию преобразовывать реальность константную, находящуюся по эту сторону от экрана.

Так каким же образом именно мир симуляции трансформирует наше тело и, что не менее существенно, восприятие этого тела? Что мы способны обнаружить существенно особенного и необычного в этой ситуации и в этом характере переживания телесности? Чтобы понять эту тенденцию исчерпывающе, необходимо взглянуть на нее в крайних проявлениях.

Стоит начать с того, что является *отсутствующим* в мире виртуальности, а именно – с константного тела Другого, присутствующего исключительно в качестве образа.

В формировании тела и телесного самосознания именно тело Другого играет важнейшую роль: «Другой необходим, другой конституирует меня» [Керимов 1999, с. 66]. Образ тела определяется телом-соседом, телом Другого, через подражание, притяжение и отталкивание в отношении которого мое собственное тело и конструируется: «мы не можем оказаться в собственном теле без тела Другого» [Подорога 1995, с. 41].

Однако именно *исчезновением Другого как горизонта экзистенциального опыта* проникнуто технократическое общество: тотальное протезирование реальности (в современном мире – протезирование сугубо индивидуалистическое) предполагает невозможность интерсубъективности: окруженный протезами индивид замуровывает себя в собственных же технических расширениях. Наше тело уже стало «телом, погруженным в плотную среду протезированной реальности» [Подорога 1995, с. 86], и виртуальность лишь уплотнила эту техносреду; в каком-то смысле, обретение собственного тела становится тем сложнее, чем больше протезов мы к этому телу присовокупляем. В то же самое время сеть подразумевает существование общего пространства коммуникации, не ограниченное территорией, классами и социальными институтами, публичное и открытое: именно с этими лозунгами она заявила о себе на заре кибернетической эры.

Однако при всех этих факторах Другой внутри сети является подручным образом, находящимся в орбите моего действия, но не инаковостью, радикально отличной от меня, способной быть пределом границ «Я». Как отмечает Бодрийяр, в информационном пространстве «Другой виртуально остаётся неизменным, поскольку все несвойственные ему проявления тайком поглощает машина» [Бодрийяр 2000, с. 79], которая и является вытесненным и в то же самое время конституирующим сетевую коммуникацию актором, агентом новоевропейской метафизики, своей однородностью [Тиккун 2022, с. 21] всегда нейтрализующей Другого [Керимов 1999, с. 63]. Если Другой «подрывает власть “Я”» [Там же, с. 66] и через этот антагонизм «Я» конституирует, то в кибернетическом пространстве этот подрыв оказывается невозможен, поскольку интерфейс, центрированный вокруг пользователя, не позволяет ему приблизиться к чему-то инаковому по отношению к нему; операционность и функционализм техники скорее помещает существование в коридор действий, линейную историю. Прочность этого коридора, в первую очередь темпорального – в отсутствии Другого, вмешивающегося не просто через прерывание, остановку или дестабилизацию операции (как вирус или поломка), но способного перенаправить эту операцию. Там, где мы лишены этой интерсубъективности и наш единственный другой – это машина, действующая запрограммированно, невозможно со-бытие, в том числе и в особенности – со-бытие присутствующих тел, теряющих в симуляции многообразие своих режимов, внеположную субъекту акторность.

Также стоит обратить внимание на сам способ репрезентации Другого и саморепрезентации в виртуальности. Виртуальность во многом аналогична *миру зазеркалья*.

Как и в случае со стадией зеркала Лакана [Демильханова 2009], современный субъект, протезированный киберпространством, во многом самоидентифицируется благодаря своему цифровому отражению, двойнику, который с каждым днем обретает все новые детали, черты, следы и отпечатки жизненной истории своего константного оригинала.

Однако есть и существенное различие между зазеркальным и заэкраным мирами. Если мир зазеркалья дает нам взгляд на себя как на Другого, причем это единый, непротиворечивый и устойчивый образ законченного целого, что и позволяет сформировать самоидентификацию со своим двойником, то мир заэкранья, ризоматический и номадический [Барановская, Малк 2016], не позволяет осуществиться этой сборке в единый образ «Я». Наоборот, виртуальный мир конституирован текучестью и изменчивостью идентичности, основан на частичном, фрагментарном характере репрезентации.

Взгляд на себя как на Другого не дает в виртуальности представления единства, в том числе и телесного. Наоборот, этот образ бесконечно дробится на отдельные и разрозненные части. Тело, таким образом, оказывается радикально деконтекстуализировано, формируясь исходя из сигналов и стимулов, получаемых вне состояния пребывания в мире, т. е. не в конкретной пространственно-темпоральной сборке, ее единичной, сингулярной ситуативности и событийности, а через тиражирование раздробленных и бессвязных образов: «Социальные сети, блоги и форумы способствуют репрезентации

субъекта, но репрезентации частичной, фрагментарной. Тело в данном пространстве – частично» [Барановская, Малк 2016, с. 70].

Подытожив, можно утверждать, что образ я-тела в условиях тотального протезирования виртуальной реальностью задан зеркальными образами заэкранья, неминуемо фрагментарными и потому приводящими к расщепленному восприятию телесности как таковой, когда тело неспособно собраться в перформативно переживаемое психофизическое единство, но бесконечно дробится и ускользает согласно акселерационистской логике [Барановская, Малк 2016], пронизывающей технику модерна.

Тем самым «саморефлексия» тела, данная внутри виртуальной реальности, соответствует *шизофреническому* опыту переживания телесности, который довольно точно описывает Подорога вслед за Фрейдом и Делёзом: «Феноменологический анализ шизофрении позволяет выявить отсутствие первоначального психосоматического единства, установить, насколько глубоко личность больного поражена диссоциативным потоком телесных образов. Точнее, это даже не образы, а некие случайные фрагменты абсолютно локальных телесных переживаний, никаким образом не связанных с единством телесного образа» [Подорога 1995, с. 27].

Диссоциация, фрагментарность, утрата связи с целым – именно такой представляется пересборка тела в зеркале виртуальности. Ключевым фактором в данном процессе расщепления сознания телесного единства также оказывается акселерация, безостановочное ускорение: «Шизоид – это ускоряющийся ход Бессознательного. Суть шизофрении в скорости – скорости окружающей вселенной в ее отношении к скорости психической интерпретации» [Берарди 2018, с. 119]. Для формирования телесной самоидентификации необходима точка сборки, в то время как шизофреническое становление представляет собой постоянную смену – масок, личин, идентичностей и, в конечном счете, – смену самих тел. Если тело – это первичная ойкумена, территория жизни, отчуждаемая только смертью, то информационно-техническая аппаратура интенсифицирует детерриторизацию настолько, что эта первичная данность мира уже не способна быть возвращена ни отдельному человеку, ни обществу в целом, но подчиняется ускорению инфосферы, окончательно лишаясь автономии.

Итак, в случае виртуальности шизофренический опыт тела реализуется сразу в двух взаимообуславливающих формах. Во-первых, само расщепление между реальностью константной и виртуальной приводит к диссоциации в отношении собственного тела, к расщеплению между реальным и виртуальным телом: «Для больного шизофренией тело не является частью его самого. Объективно являясь частью самого субъекта, субъективно тело переживается как нечто внешнее. Оно предстает как нечто чуждое, но постоянно сопровождающее больного» [Подорога 1995, с. 28]. Во-вторых, тело внутри виртуальности не является одной данной раз и навсегда телесной идентичностью, оно бесперебойно меняется, становится, преобразуется, что также приводит к диссоциации, но уже не между реальным и виртуальным, а внутри самой виртуальности, в шизофренических перевоплощениях внутри кибернетического пространства.

Можно представить себе развитие этой тенденции, когда виртуальность станет куда более реальной и «полнокровной», чем она есть на данный момент, и окажется способной порождать все более и более убедительные *симуляции* вплоть до их неразличимости с реальным опытом. Стремительно развивающиеся VR-технологии в совокупности с совершенствованием аудиовизуальных способов симуляции мира наглядно предвещают подобное будущее.

Уже сейчас анализ исследователей на предмет особенностей восприятия тела в VR-пространстве позволяет сказать, что достигается высокая степень телесной самоидентификации пользователя с его виртуальным «аватаром» [Варламов, Яковлева 2021, с. 25]. Опыт, переживаемый пользователем виртуально, воспринимается им как собственный, без строгой демаркации вплетаясь в жизненный опыт в его целокупности. Учитывая множественность и вариативность миров, генерируемых виртуальностью в виде приложений, сетей, игр и т. д., жизнь тела окажется (если уже не является таковой)

бесконечным кочевничеством между различными телами аватаров, запрограммированных на определенный круг действий в рамках заданного интерфейса. Однако вместе с этим совершенствованием неизбежно вырастет дезадаптация и деперсонализация в отношении тела константного, в отличие от виртуального имеющего опыт болезни, старости, боли и смерти.

Подводя общий итог, можно констатировать, что по эту сторону экрана современный тип информационной техники вслед за общей логикой новоевропейской метафизики роботизирует тело через его объективацию и навязывание телу операционной исполнительности технического ритма с целью акселерации информационного обмена. Информационная техносреда, конституированная метафизическим проектом модерна, в согласии с его предпосылками формирует константное тело человека (по эту сторону экрана). Однако сами принципы, по которым существует виртуальная реальность (по ту сторону экрана), выводят нас за рамки новоевропейского метафизического проекта, и даже более того – ведут к его деструкции.

Наиболее наглядным примером этого выхода за рамки проекта модерности является фундаментальное изменение роли и смысла акселерации. Акселерация, согласно эсхатологии прогресса, позволяет приблизиться к утопическому будущему. Однако с развитием информационной техники она ведет к саморазрушению метафизического проекта, к его шизофреническому коллапсу (что является основным пунктом программы акселерационизма, говорящего о том же самом: чтобы преодолеть или разрушить капитализм, нам необходимо довести его до крайности, до максимально возможной скорости): «ускорение разрушает общественную субъективность, потому что последняя основывается на ритме телесного желания, которое не может быть ускорено за пределы точки спазма» [Берарди 2018, с. 122]. В этом смысле любая конструкция имплицитно содержит в себе также и собственную деконструкцию. В исторической судьбе техники в ее отношении к телу эта деконструкция проявляется особенно наглядно: в распаде субъектного единства тела. Тело запечатлевает на себе процесс деструкции исторического проекта модерна: если техника первых двух промышленных революций его территорияровала, задавала ему константные значения, ограничивая и оскопляя, то информационные технологии третьей промышленной революции, базирующиеся на тех же принципах, довели ускорение до саморазложения образа тела и телесной схемы, шизофренического, диссоциативного потока телесных реакций, аффектов, импульсов и состояний.

Итак, с одной стороны, налицо крайняя степень территориязации, которую осуществляет компьютерная техника в отношении константного тела; с другой стороны – еще большая детерриториязация тела в виртуальности, диссоциативного и утрачивающего единство. Нельзя сказать, что подобные процессы гармонично взаимодополняют и уравновешивают друг друга, они являются, скорее, конфликтующими формами, и тело в данном случае – место концентрации этого противоречия, его узловая точка. Тем самым трансформации тела, вступающего с техносредой в скрытый, бессознательный антагонизм, – вскрывают внутреннее противоречие модернистского проекта как такового.

Список источников

- Барановская М. В., Малк В. М. «Капитализм и шизофрения», и киберпространство // Перспективы науки и образования : интернет-журнал. 2015. № 6 (18). С. 67–71. URL: https://pnojournal.files.wordpress.com/2015/08/pdf_150611.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
- Берарди Ф. Проблематизируя акселерационизм с точки зрения тела // Логос. 2018. Т. 28, № 2 (123). С. 117–124.
- Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. М. : Добросвет, 2000. 260 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2015. 392 с.

- Варламов А. В., Яковлева Н. В. Особенности восприятия человеком собственного тела в VR-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Психологические науки. 2021. № 2. С. 21–31. DOI 10.18384/2310-7235-2021-2-21-31.
- Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения : К трехсотлетию со дня рождения (1650–1950) : пер. с фр. и латин. / ред. и вступит. ст. В. В. Соколова. М. : Госполитиздат, 1950. С. 409–544.
- Демильханова А. М. «Стадия зеркала» и виртуальная реальность // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2009. Т. 9, № 2. С. 87–89.
- Керимов Т. Х. Социальная гетерология. Екатеринбург : УралНаука, 1999. 170 с.
- Ламетри Ж. О. Человек-машина // Ламетри Ж. О. Сочинения / пер. с фр. В. Левицкого, Э. А. Гроссмана. 2-е изд. М. : Мысль, 1983. С. 169–226.
- Лопатников Л. И. Технологический уклад // Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь : Словарь современной экономической науки / под ред. Г. Б. Клейнера. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Дело, 2003.
- Николин В. В. Машинность как всеобщий принцип воспроизводства: Онтологический аспект экспансии машины в немашинные сферы бытия : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / Ом. гос. пед. ун-т. Омск, 2002. 32 с.
- Павленко А. Возможность техники. СПб. : Алетейя, 2010. 224 с.
- Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию : материалы лекц. курсов 1992–1994 гг. М. : Ad Marginem, 1995. 340 с.
- Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; Москва ; Минск : Панпринт, 1998. 1064 с.
- Соколовский С. В. Тела и технологии сквозь призму техноантропологии // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 99–121.
- Тикун. Кибернетическая гипотеза / пер. с фр. Т. Петухова под ред. М. Лепиловой ; примеч. М. Лепиловой. М. : Гилея, 2022. 160 с.
- Флоренский П. Обратная перспектива. М. : Изобразительное искусство, 1996. 335 с.
- Форум: Новые технологии и телесность как предмет антропологических исследований // Антропологический форум. 2018. № 38. С. 11–82. DOI 10.31250/1815-8870-2018-14-38-11-82.
- Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» : сборник статей / пер. с нем. М. Л. Хорькова // Центр гуманитарных технологий : сайт. 18.03.2013. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/6261/6263> (дата обращения: 10.05.2023).
- Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В. В. Бибикина. М. : Республика, 1993. С. 192–221.
- Эрнст В. Логос машины и его границы с понятием медиа / пер. с нем. Б. Скуратова // Логос. 2010. № 1 (74). С. 193–206.
- Юнгер Ф. Совершенство техники ; Машина и собственность / пер. с нем. И. П. Стребловой. М. : Фонд Ун-т ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 560 с.

Информация об авторе

Демид Сергеевич Колосов, магистрант Департамента философии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Demid S. Kolosov, Ural Institute of Humanities, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 12.06.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 26.06.2023.